

Эдуард Лобас

**ПОДГЛЯДЫВАЯ В
ОКНА**

Эдуард Вадимович Лобас

Подглядывая в окна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30477286

ISBN 9785449055354

Аннотация

Мы прячем от посторонних глаз свои секреты. Свои тайны, свои желания и свои страхи. Мы смотрим на жизни других и видим в них счастье, которое не находим в своих собственных. Однако, если заглянуть в окна, то в темных углах квартир можно найти спрятанное от чужих глаз. «Подглядывая в окна» – это цикл новелл, роман-пазл, в котором из обрывков можно собрать разбитые судьбы людей.

Содержание

Подглядывая в окна	5
Амфетаминовая фея	6
Принцесса с блядскими глазами	16
Рукой до неба	29
Осенняя	40
Многоэтажки	54
Ночная	59
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Подглядывая в окна

Эдуард Вадимович Лобас

Фотограф Ольга Заика

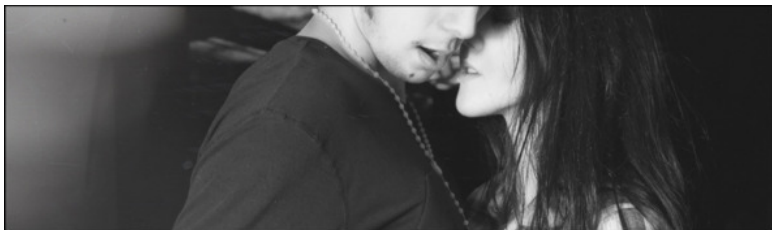
© Эдуард Вадимович Лобас, 2018

© Ольга Заика, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-5535-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подглядывая в окна (Цикл новелл)

*Эдуард Лобас —
современная проза, стихи*

Амфетаминовая фея

Она стояла у барной стойки, потягивая через трубочку новую порцию джин-тоника. Она всегда пила джин-тоник, а я всегда приходил в клуб на третьем бокале. Вот и сегодня я распахнул дверь в клуб – и, едва зайдя, увидел её у барной стойки. На ней было короткое серое платье, подчёркивающее её фигуру. Оно не облегалo её талию, не обтягивало её шикарные бёдра, не имело вырезов и, скорее, было похоже на платье девочки-скромницы. Очки на глаза и книгу в руки для полноты образа.

Но нет. Ни очков, ни книг. Ничего лишнего. Её волосы были ниже лопаток. Такие красивые и такие шелковистые. От них всегда пахло сигаретным дымом. Она вся насквозь была пропитана этим запахом. Но, вопреки любой логике, это только добавляло ей привлекательности. Я поздоровался с несколькими приятелями прежде, чем она заметила меня. Её звали Ликой. А, может, и нет. По крайней мере, я называл её Ликой и мне было глубоко наплевать, как звали её на самом деле. Я видел её только здесь, только ночью и только после третьего бокала. Я не знал, кто

она, чем живёт, замужем, есть ли дети, братья, сёстры. Есть ли у неё друзья. Если честно, я сомневался иногда, существует ли она вообще. Но у нас был этот клуб, были ночи

и музыка. У нас был один дым на двоих. Мы вместе нюхали амфетамин и иногда трахались. Одну ночь в неделю я принадлежал только ей.

Лица улыбнулась мне и бодро зашагала в мою сторону. Уже через мгновение её губы скользнули по моей щеке, и она сказала: «Привет». Это означало, что наша ночь началась. Отныне вокруг нет никого, кроме меня, её и бармена.

Левой рукой она сжимала бокал. Я взял её за левую руку и поднял бокал на уровень своего рта. Сделав глоток через трубочку, я поцеловал Лику. Всего мгновение, она быстро одёрнулась. Да, как всегда. Ничего, разгонимся.

– Пошли покурим, – сказала она улыбаясь.

И уже в этот момент взяла меня за руку и потащила на улицу. Запрет курения в общественных местах. Проклятые толстомордые кретины с дипломатами из крокодило-гепардовой кожи решили вдруг указывать мне, где курить. А завтра мне запретят трахаться в носках или носить зелёные трусы.

Мы быстро оказались на улице. Признаться, я не был этому рад. Ведь я только зашёл в помещение, а зимой это сродни счастью. Мы оба вышли без верхней одежды. Из маленькой сумочки Лица достала пачку тонких сигарет и зажигалку. Она по-мужски подкурила свою и передала мне. Я не от-

стал от неё, быстро зажёл и уже делал первую и очень длинную затяжку.

Ли́ка смотрела на меня своим фирменным взглядом. Я знал, что он означает. Сегодня будет жарко. Сегодня будет всё. Сегодня будет последний день моей жизни, а после него будет снова 7 дней смерти до момента, когда я вновь вернусь к ней. Сюда. Ночью. А до тех пор я снова буду мёртв. Снова буду задушен в своём крохотном мире.

Девушка-фея улыбалась, смотрела на меня и время от времени затягивалась сигаретой, зажатой между пальцами.

– Херовая неделя, – начала она. – Чувствую себя так, как будто меня всю неделю имели все, кто проходил мимо!

От этой фразы разыгралась моя фантазия не на шутку. Ли́ка была фантастичной. Её тело было идеальным. И, да, чёрт возьми, иметь её хотелось постоянно! Мою фею хотели все – и парни, и девушки. Каждый прохожий раздевал её глазами, каждый второй мысленно её имел, а каждый третий в своих фантазиях трахал её в особо извращённой форме. Она была шикарна. Стерва! Как же она шикарна!

– Узколобые придурки и вечным недоёбом! – продолжала Ли́ка, выдыхая дым тонкими рваными струйками. – И каждый на что-то намекает, блядски улыбаясь и подмигивая заплавленными глазёнками!

Я бы поддержал её, но мне зверски отвлекала её задница.

– Они меня со шлюхой путают? Я документы привезла, а не в сауну к ним приехала! Знаешь, как они меня бесят?

Знаю. Или не знаю. Да какая мне разница, детка? Меня гребёт только то, что у тебя в сумочке, в маленьком боковом кармашке.

– Ты меня всегда понимаешь, – моё молчание и кивание головой она восприняла как поддержку и продолжила, – ладно, сегодня не будем. Спасибо, что выслушал. Хватит об убудках.

Я не заметил, что она уже сделала последнюю затяжку – от сигареты остался только фильтр. Лица принялась терпеливо ждать, пока докурю я. А я не спешил. Я смотрел на неё и медленно потягивал сигарету. Девушка передо мной была не из этого мира. Она была из моей головы. Я её придумал. Я всегда хотел такую. И вот она. Стоит на морозе и слегка дрожит от холода.

Облизывает губы и смахивает снег с волос и платья.

Бросив окурок в снег, я взял Лику за руку и потащил обратно. Мы зашли в зал, где играла знакомая нам музыка. Затем мы пробрались к барной стойке, я заказал нам выпить. Из кармана я достал мятую сотку и положил на стойку. Лица оставила возле бармена сумочку и потащила меня танцевать. Среди всей этой грязи вокруг и между нами с ней в частно-

сти, это были волшебные минуты. Минуты чистоты и романтики.

Она положила голову мне на плечо, зажала мою ногу между своими бёдрами и крепко меня обняла. Меня в такие моменты окутывала безумная смесь вожделения, умиротворённости и нежности. Я хотел отыметь её прямо во время танца и, одновременно с этим, хотел, чтобы этот танец стал вечным. Чтобы мы с ней умерли вовремя этого танца! Под эту музыку. Именно здесь.

Именно этой волшебной ночью.

Вы когда-нибудь чувствовали прикосновение любви? Отождествляли ли вы любовь с чем-то (или кем-то) материальным, настоящим? Вот что-то подобное чувствовал я. Что-то касалось меня рукой. Когда Ли́ка была рядом, появлялась эта рука, и что-то во мне переключала. Менялась температура крови, бегущей по венам. Менялось всё вокруг.

Я прижал к себе Ли́ку ещё сильнее и не сдержался от того, чтобы поцеловать её шею. Девушка закусила губу, секунду поколебалась и дотянулась до моих губ. Это был долгий и страстный поцелуй. Ощущение было, что она пытается засунуть свой язык мне прямо в глотку! Я сходил с ума. Руками же она цеплялась мне в спину, усиливая моё ощущение безумства и желание её трахнуть прямо тут. Я знал, что эту стерву конкретно возбуждает эта идея и максимально пугает.

Так бывает со всеми красивыми девочками. Они хотят и боятся. Лика зацепила зубами мой язык. Секунды две так повисла, затем отпустила и улыбнулась. У неё

была нереальная улыбка. Она улыбалась не только губами. Улыбка – это состояние души. И Лика была тому примером. Если она улыбалась, значит, ей было хорошо. Значит, это отражали её глаза, губы, её тело.

Музыка кончилась, а мы всё так же стояли посреди танцпола. Я смотрел на неё, как идиот.

– Пошли! – жёстко сказала Лика, прихватив свою сумку, и повела меня в сторону туалета.

По ту сторону туалетной двери распахнулась чёрная сумочка с двумя обшитыми золотом буквами. Из неё Лика достала пару спидов. Да, именно из того небольшого кармашка сбоку. Моё сердце уже повисло на ниточке, когда девушка высыпала на раковине две почти идеально ровные дорожки. Затем она вновь открыла сумочку и достала из неё две короткие коктейльные соломинки. Такие, как подают к джинтонику.

Следующие полминуты не нужно было никаких слов. Каждый жадно пустил по ноздре свою дорожку. Я почувствовал, что хочу жить. Что мир обрёл пару новых красок. И вот теперь. И вот вместе с Ликой мы всё можем. И мир

прекрасен.

– Сразу по второй? – спросила Лика и облизнула мои губы.

Я схватил её за задницу, задрал на ней платье и за один момент посадил её на тумбочку возле раковины. Девушка лишь слегка взвизгнула и начала медленно стонать, когда я стал целовать её и стаскивать с неё колготки и бельё.

Эта стерва кусалась, царапалась, иногда делала вид, что хочет вырваться. И эта херня заводила меня всё сильнее. Я держал её крепче. Она обхватила меня ногами, и... и начал действовать амфетамин. На нас обоих. У нас впереди была целая ночь, и секс был не самым главным в этом всём. Поэтому мы трахались быстро. Когда мне надоело придерживать её, я спустил её с тумбочки и нагнул раком. От этого она завелась ещё сильнее. И процесс разгорелся с новым запалом.

Второе дыхание. Или вторая часть прихода. Плевать. Главное, что сейчас я владел ею. Я имел её так, как хотел. Всю неделю я ждал этого момента. Жить ради нескольких минут всю неделю. Я был на вершине счастья. Судя по всему, она тоже. Впрочем, на это мне было откровенно плевать. Я кончил в раковину. Мне всегда хотелось кончить на неё, но ещё больше мне хотелось, чтобы она оставалась шикарной всю ночь. Чтобы все вокруг смотрели на неё, а имел её только я. Да! Это

самый большой кайф для любого мужика – трахать ту, которую хотят все, но никто не может. Мы вышли из туалета и сразу вернулись к барной стойке. Крепкий парень бармен, который нас знал уже хорошо и всегда с любопытством наблюдал за нашей парой, подвинул к нам наши бокалы. Даже лёд не успел растаять. То ли мы слишком быстро, то ли этот чёрт уже умел просчитывать точное время нашего появления на стойке за выпивкой.

Амфетамин всё сильнее и быстрее доходил до головы. Он очень быстро разогнал кровь, сердце работало с сумасшедшей скоростью.

– По второй? – вновь спросила Лика.

– Нет, детка. Не в этот раз. И так классно, – проямлил я, переводя дыхание. Сердце всё нагоняло скорость.

– Будет ещё лучше. Ещё круче, – она говорила медленно и спокойно, но в голосе чувствовалось дикое возбуждение.

– Нет. Лика, я хотел сказать...

– Заткнись! Не напрягай меня, – она всегда резко пресекала мои подобные разговоры. Плевать.

Молчу. Всё зашибись.

Я кивнул, а Лика довольно улыбнулась и отхлебнула из бокала. Да, она могла много пить. Она курила. Она баловалась спидам. Но у неё были тормоза. Она бы никогда не села на иглу. Почему? Да потому что её слишком жаль

своей идеальной кожи, чтобы протыкать её иглой ради мимолётного кайфа. А так – она тянула из жизни всё через тонкую соломинку синего цвета. Тянула просто так и не искала в ней ответа. Вот, наверное, что меня в ней привлекало больше всего! То, что с ней не нужно искать ответ на давно затрававшие тебя вопросы.

И именно поэтому меня всегда волновал один важный и дурацкий вопрос – существовала ли она на самом деле? У меня не было ни её номера телефона, никакой другой информации о ней. Я знал только то, что каждую субботнюю ночь мы с ней встречаемся здесь. Ровно в тот момент, когда она пьёт третий бокал джин-тоника. Я знал, что между нами есть только амфетамин и секс. Была ли она плодом моего убитого воображения? Была ли она настоящей? Или я просто был

слишком пьян? Это не имело значения. Важно было только то, что раз в неделю есть мы. И ради этого стоило жить и умирать.

А вокруг всё плыло. Всё сливалось в одну расплывчатую картину какого-то обдолбанного экспрессиониста. Какого-нибудь грёбаного Мунка, Грюневальда или Эмиля Нольде. Люди были будто нарисованными дурацкими неровными мазками. Сердце колотилось так, что я чувствовал каждый удар. Я посмотрел на Лику. Она, казалось, повела бровью или подмигнула. Было уже не разобрать. Я закрыл глаза. За-

тем был щелчок или шлепок. Или целый грохот. А потом –
звон в

ушах. Я открыл глаза. Увидел сначала потолок, а потом
бармена. Он помог мне подняться. Лики не было. Если она
вообще была, если она вообще существовала. Бармен про-
тянул мне стакан с минералкой и вяло улыбнулся. Обычная
суббота.

Принцесса с блядскими глазами

У Хмурого всегда можно найти пару джоинтов. Именно поэтому сегодня вечером я был у него. Мы тянули наперегонки, закашливались и выдыхали в бокалы с коньяком. Эти же паршивеньким коньяком, купленным мною по пути к Хмурому, мы запивали ядовитый дым. Я нещадно сверлил в потолке дыру к соседям сверху, надеясь, наверное, что прорвусь в комнату какой-то нимфы с широкими бёдрами и налитой грудью. Да...

Хмурый же на третьей затяжке погрузился в себя и залип в бесконечность белого потолка. Ну и хер с ним. Наркоман долбанный. Всю жизнь под чем-то. На последнем напase он вообще вышел из этого мира через какую-то дверь и раскинулся на диване, начав водить перед своим лицом руками. Слава богу, что не сальвия снова.

Ладно, пусть отгнивает.

Я влил в глотку остатки коньяка прямо из горлышка бутылки, сделал ещё затяжку и бросил джоинт дотлевать в пепельницу. Затем встал с дивана. Повело. Чёрт. Я закрыл глаза, досчитал до десяти, и... блядь, не помогло. Ладно, доползём. Я решил уйти по-английски. Хмурый, всё равно, меня

не воспринимал. Он где-то с кем-то из братьев Марио спасал принцессу от грибов, похоже. Коридор у Хмурого был всегда чистым. Наверное, самое приятное место в его квартире. На тумбочке у входной двери стояла непрозрачная пепельница в виде бегемота с открытой пастью. Я точно знал, что там можно было найти штакет-другой. Я запустил руку бегемоту в пасть. «Camel»?

Я принялся, посмотрел на сигарету. Ой, не «Camel» это был. Ой, как не «Camel». С этой радостной мыслью я вытащил из внутренностей бегемота ещё одну такую же «сигарету» и переместил парочку весёлых сигарет в свою пачку. Я набросил куртку, обулся и отправился из дома Хмурого. Куда я направился? Вперёд. И абсолютно не имело значение, где это и что там.

Город захлёстывало волной ночи. Красивые девочки щёлкали каблуками по снегу, сжимаясь и греясь от сигаретного дыма. И каблочки их мяли снег в сторону ближайших ночных клубов.

Девочки поудачливее пили шампанское и курили дурь в лихо рассекающих зимнюю мерзость на дороге тонированных иномарках. Модные и самонадеянные студенты с весёлыми лицами направлялись тратить полученную стипендию на девочек и выпивку. В общем, город наполнили пустые

и бесцельные люди.

А я имел сегодня цель. Мне было ради чего сегодня жить. Я чётко был намерен раздавить своими ботинками на смерть максимальное количество снежинок под ногами. И я делал это со всем старанием и усердием. Дорога к моему дому проходила через тот клуб, где я всегда встречал Лику. Но сегодня была не суббота. До субботы ещё два дня, а завтра на работу. Но я не мог не пробежаться взглядом по этой местности.

Или Хмурый опять какую-то дрянь замешал, или мне пора лечиться. Я бы узнал её волосы даже в смерть обдолбанный. Я бы узнал её походку, даже будучи настолько пьяным, что сам бы ходить не мог. Я бы увидел её силуэт, даже если бы разучился отличать барсука от бегемота! Я был готов поклясться, что дело не в том, что дури во мне сейчас, как американских тачках. Я готов был вырвать глаза и скормить их Хмурому, если только что в дверь нашего с ней клуба проскользнула не Лика.

Я не перебежал – перелетел дорогу! В фойе её уже не было. Меня окликнула гардеробщица, и под строгим взглядом секьюрити, я временно обменял свою куртку на кусочек пластика с цифрами. Я отправил номерок в карман и зашёл в другой мир. Мир счастливых и пьяных людей.

Я застыл прямо на проходе. Первым я заметил бармена, который глазами спросил у меня буду ли я пить. Я пожал плечами, кивнул головой и поднял руку, подтверждая, что я пить буду. Канабинол то бил мне в голову, то снова отходил расходиться по телу. Гулял по венам, как по парку. Я глубоко вдохнул, запустил мысленно дурь куда-то к ногам и сосредоточился на окружающих людях. Я искал Лику. Она стояла у стойки. Пританцовывала и улыбалась, скорее, самой себе и своему настроению, чем окружающим. Лика сначала стояла полу-бокком, а потом повернулась к барной стойке и вернулась к своему бокалу джин-тоника. Сейчас она стояла ко мне спиной, и я мог насладиться её шикарной фигурой. На ней были чёрные джинсы и бардовая кофта, оголявшая её левое плечо.

Бармен отвлёкся от перетирания посуды и стал готовить мою выпивку, жонглируя бутылками. Я же стал медленно приближаться к Лике. Её фигура становилась всё отчётливее, а дымный запах её волос, казалось, я уже начинал чувствовать. Шаг. Ещё два. Лика перетянула волосы на правую сторону, полностью оголив левое плечо. Вот оно взросление! Когда понимаешь, что оголённое плечо – куда сексуальнее обтянутых задниц и торчащих из-под джинсов трусов! А, впрочем, может, дело в лямке белого лифчика. Хотя, нет. Дело определённо в сексуальности оголённого плеча и шеи.

Тонкой, изящной шеи. С идеальной текстурой кожи. Ещё пару шагов...

В этот момент к Лике подошла какая-то брюнетка. Я видел её первый раз. Она приобняла Лику за талию и шепнула ей что-то на ухо. Лика в свою очередь медленно повернула голову левее, в сторону подошедшей девушки. Они улыбались друг другу и смотрели друг другу прямо в глаза.

Две валькирии. Они явно были готовы впиться друг в друга. Прямо здесь и сейчас.

Я опешил. Я стоял на одном месте. Стоял так, как будто пространство вокруг меня было наполнено каким-то невидимым наполнителем, а ноги мои были посажены на клей к полу. Я не мог пошевелиться. Ни рукой, ни ногой. Я не мог ни вдохнуть, ни моргнуть. В этот момент бармен поставил официанту на поднос мой напиток и указал на меня пальцем.

Через мгновение поднос уже был возле меня. Я, не соображая ничего, взял в руку бокал, положил на поднос соломинки и осушил половину одним глотком. Это было нереально. Не со мной. Я сделал ещё маленький глоток холодного алкоголя. После чего, наконец, задышал. И, казалось, что сердце начало стучать.

Выдохнув перед собой, я достал из кармана пару купюр

и положил их на поднос официанту. Меня бросило в жар. Я снова посмотрел в сторону Лики. Она в этот момент проводила рукой по густым и чёрным волосам девушки. Зацепившись буквально ногтями за прядь и приподняв бровь, она подтянула девушку к себе. Брюнетка не была способна сопротивляться. Она тут же впилась в Лику поцелуем и начала прижимать к себе. Я, находясь даже через ползала от них, чувствовал этот дикий выброс энергии. Энергии Лики. Она заполнила зал. Совершенно невероятная энергия идеальной похоти и совершенного разврата. Лика сводила с ума девушку. Было очевидно, что брюнетка получает удовольствия гораздо больше. А Лика... что ж, ей явно нравилось быть желаемой.

Девушки неожиданно расцепились. Лика поправил волосы, чтобы те полностью оставались на правом плече. Она улыбнулась, брюнетка закатила глаза и закусилла нижнюю губу, явно сходя с ума от желания. Затем Лика вновь повернулась к барной стойке, а её спутница направилась мимо меня к выходу. Меня накрыло. Я никогда не ревновал её. К парням. Я заревновал её только сейчас. К девушке. Как много парней ревновали девушку к другой девушке? Девушку, которая тебе не принадлежит. Девушку, которую ты видишь только ночами.

Я сделал ещё один сочный глоток, осушив бокал до дна.

Затем я уверенно направился к барной стойке. Поставив пустой бокал перед барменом, я обхватил сзади Лику и без приветствий и церемоний начал целовать её шею, медленно приподнимая правой рукой её кофту. Она узнала меня. Я понял это сразу. При первом же касании она поняла – это я. Перегнув свою руку через меня, она стала гладить мои волосы и цеплять их пальцами. При этом она задевала кожу ногтями. И это заводило, я целовал её всё сильнее и сильнее.

Лица развернулась ко мне лицом и одарила горячим поцелуем в губы. С языком, но коротким.

– По дорожке? – спросила Лица, не здороваясь.

Её улыбка была для меня в этот момент всем. И, может, впервые я увидел эти глаза. Глаза цвета штормового неба, пронизываемого молнией. Серый. Голубой. Зелёный. В них смешалось всё.

– Нет, – ответил я, помедлив и кивая головой. Амфетамин явно мне сейчас не в кассу.

Какие у неё были глаза! Они излучали дикую энергию. Энергию секса, похоти, разврата. Энергию.

Чистую, нефильТРованную.

– Уверен? – засомневалась Лица.

Глубокие и затягивающие глаза. Валькирия. Стерва.

– Детка, я...

Я осёкся. Вновь Лица затянула меня в недолгий, но классный поцелуй, а потом прижалась к груди.

Мы с ней были почти одного роста. Потому она смотрела прямо в глаза.

– У меня есть, – сказала она.

Блядь, это я такой обдолбленный? Или у неё действительно такие крутые глаза?

– Детка, я под нереальным кайфом! И я не знаю, это от тебя или от той дури, что я...

Я не успел закончить фразу, Лика снова поцеловала меня. Она оставила пару царапин на шее, схватила меня за руку и потащила к выходу.

Это всё со мной? Это сейчас? Это есть? Это действительно Лика? Я действительно держу её за руку? Или я сейчас открою глаза у Хмурого на диване? Если так, то я не хочу открывать глаза. Если это глюк, то я хочу уйти в него с головой и не возвращаться обратно в мир.

Я не успел оглянуться, как Лика вытащила меня на улицу и уже тянула в сторону стоянки. Она облокотила меня на белый «Land Cruiser». Затем надолго впилась мне в губы. Я начал задирать ей кофту. От зимнего холода, пробежавшего по её спине, Лика слегка задрожала, прижалась ко мне сильнее и начала высасывать тепло из моих губ. Она остановилась, переводя дыхание. Отстала от моих губ и, облизываясь, стояла и смотрела мне в глаза. Сквозь зимнюю тьму сверкали два развратных огонька. Два огонька идеально похотли-

вого цвета. А хозяйка их – испорченная и дерзкая девочка, дьявольски уверенная в себе. Только сейчас я понял в чём её секрет. Почему её хотят все. Дело в этих блядских глазах. В этом огне разврата.

В момент, когда я подумал, что может в любой момент прийти хозяин машины, мне в спину открылась задняя дверь внедорожника. Я отскочил к Лике, обняв её. С заднего сидения показалась та самая брюнетка из клуба, с которой целовалась Лика в начале ночи.

– Сука! – почти прошипела девушка в сторону Лики.

«Стерва», – пронеслось у меня в голове. Я был не просто под кайфом. Я был не в себе.

Лика буквально шагнула в машину, ища губами брюнетку. По звуку я понял, что губы девушек встретились. Лика по-прежнему держала меня за руку, а я всё так же стоял и думал о том, как же меня чертовски кроет эта дурь. Я вспомнил о пачке сигарет в джинсах. Мне хотелось догнаться. И мысленно я уже тянулся к сигаретам с наркотой.

В этот момент я почувствовал, как меня затаскивают в машину. Лика явно тянула меня за руку к ним. Я не был в состоянии сопротивляться. Я был возбуждён настолько, что даже обдававший меня холод не мог меня успокоить. Через секунду я уже был в теплоте, захлопнув за собой дверь в машину. Я сидел и смотрел на то, как две девушки целуются

между собой. Лика уже оказалась без кофты и с расстёгнутыми джинсами. Можно было разглядеть её бельё в тон лифчика. Брюнетка, которая сама на себе расстёгивала блузку, одну руку запустила в волосы Лики, а вторую её в трусики.

Я был ужасно накурен. Но не до такой степени, чтобы меня от этого не встал. Это почувствовала Лика. Она оттолкнула от себя девушку, которая начала уже снимать сама с себя брюки. Затем я почувствовал руки Лики на своих джинсах. Она расстегнула ширинку, ремень, спустила с меня джинсы, прижала к двери. Было очень неудобно, но это компенсировалось тем, что Лика уже водила языком по моему члену. Кротко, нежно. А затем заглотнула его почти целиком. Вновь пробежавшись по головке, она подтянула ко мне девушку-брюнетку и буквально заставила её поцеловать меня.

Брюнетка уже была только в нижнем белье. Надо признать, что по характеру поцелуя явно чувствовалось, что Лика её привлекает сильнее, чем я. Однако в этот момент Лика схватила девушку за задницу, а потом взяла её за руку и обхватила её рукой мой член. Брюнетка сделала пару движений вверх-вниз рукой, явно возбудилась сильнее и стала целовать меня с большей отдачей. Признаться, я думал о Лике. Но происходящее мне нравилось. Если я просто обдолбанный, и этого не происходит в настоящем мире, то, пожалуй-

ста, можно я сдохну в этом глюке, не приходя в сознание?

Ли́ка стянула с подруги бельё и бросила куда-то в сторону водительского сидения. Подталкивать девушку больше не надо было. Через миг брюнетка уже села на мой член и начала извиваться. Когда же её шеи коснулись губы Ли́ки, та совершенно потеряла себя и ушла в процесс целиком, неосознавая, что делает, что кричит и, видимо, что вообще происходит.

Ли́ку же явно заводило это всё. Сразу двое людей, с которыми у неё была связь, находились в сексуальных отношениях. Её возбуждало это. Но, похоже, ещё круче её заводило то, что она это всё контролирует. Она сама решает, кто и кого сейчас будет трахать.

В какой-то момент брюнетка потеряла силы извиваться и кричать. Она обхватила руками подголовники передних кресел и закинула голову вверх в протяжном стоне. Я почувствовал, что она дрожит.

Ли́ка весьма нагло отпихнула её. Но взамен отдала свой поцелуй. Брюнетка переползла на переднее кресло. А Ли́ка в этот момент уже оказалась сверху меня. Вновь мелькнул развратный блеск её глаз. Последнее, что я видел. Затем она прижалась ко мне сильно-сильно, обхватив одной рукой мою

спину, а вторую положила мне на грудь. Лика начала медленно стонать, постепенно ускоряясь в темпе и в стогах. Однако, по-прежнему можно было услышать, как переводила дыхание девушка на переднем сидении. Лика, наконец, стянула с меня свитер. Затем начала целовать меня, куда только попадали её губы.

Шея, живот, грудь, губы, плечи. Абсолютно хаотично она целовала меня. Пожалуйста, кайф, не отпускай. Я был в параллельном мире. Где просто больше никого и ничего не было. Здесь люди только трахаются. Люди созданы, чтобы заниматься сексом. Люди живут, чтобы трахать друг друга всеми доступными способами. И сейчас в моём мире для этого не нужны были оправдания. Я не знаю, сколько это всё происходило ещё, но в итоге мы с Ликой лежали на кожаном диванчике «Крузака», прижавшись друг к другу.

– Курить есть? – услышался голос брюнетки впереди.

Я подтянул джинсы, застегнул их и достал из кармана пачку. Из пачки я вытащил две сигареты.

– Давай одну на двоих, – полу вопросом произнесла Лика.

Я подкурил две сигареты, одну передал вперёд, а другой сладко затянулся и после передал её Лике. Спереди слышался голос девушки, перебиваемый кашлем:

– Умеете вы гулять, ребята!

А мне в голову снова ударила марихуана. Тут я понял, что достал те сигареты, что ранее забрал у Хмурого. Лика затя-

нулась, сладко улыбнулась и выдохнула под потолок тонкую струю дурмана. Она повернулась ко мне, и я смог снова увидеть эти глаза. Блядские. Идеально развратные. Глаза похотливой девчонки. И мне хотелось стать кем-то больше. Но это было не в моей власти. Я только смотрел ей в глаза и думал. Думал, что когда-то что-то будет иначе. Или мы будем вместе навсегда, или окажется, что она не существует вовсе, а я уже год лежу в коме и путешествую в мире собственных наркотических глюков.

Лица затянулась. И пустила дым под потолок.

Рукой до неба

Стрелка спидометра показывала где-то за 160, и это почему-то грело Антона. По сути, он уже давно был на грани. Но чувствовал себя на вершине мира. Сейчас по знакомой до боли трассе он возвращался домой. Дымилась зажатая между пальцами сигарета. И никаких мыслей. Только удовольствие от того, как хорошо новый внедорожник смягчал ход изрядно побитой трассы.

Лицо Антона выражало с каждым днём всё меньше эмоций. Глаза становились всё более стеклянными, а внутри образовывался какой-то налёт. Наверное, физическая оболочка этого состояния выглядела бы именно жёлто-серым налётом. Противным, гнусным, стекающим по стенкам налётом. Эдакой густой слизи, медленно разъедающей всё вокруг.

Глаза Антона не отражали ничего – ни мыслей, ни эмоций. Стекло. Мутное стекло. Два стеклянных кругляшка, уставившиеся вперёд. За дорогой они тоже следили слабо. Лишь полусонно моргали. Уже не под кайфом, ещё не на кумарах и не хотелось спать. Просто это уже стало в порядке вещей. Такая неспешность и наплевательство. Во всём. И сейчас – решётка радиатора глотает воздух, колёса считают выбоины, и славно.

Антон курил, выдыхая дым прямо перед собой. Обе руки обхватывали руль, оставались считанные километры. Кондиционер сглаживал жаркую летнюю погоду, которую в машине можно было ощутить, только пристально глядя в окно. Только тогда можно было прочувствовать, как почти горит асфальт, увидеть жёлтые растения посреди июля.

В этот момент зазвонил телефон:

– Да, – ответил Антон.

– Ты скоро? – отозвался голос в телефоне.

– Да, уже в город почти заехал, минут 20 ещё.

– Хорошо. Ты купил?

– Купил.

– Спасибо. Всё. Мы ждём, – на этом телефонный разговор оборвался.

Антон положил телефон возле коробки передач, сделал последний затяг и затушил в

пепельнице сигарету. Казалось, ничего необычного. Кроме одной детали: ждали Антона на похоронах. А купил он набор венков. Хоронили Олега. Если быть честными, то его Антон знал не очень близко, не смотря на все совместные вечеринки и все совместно вмазанные кубы.

Олег был братом лучшего друга Антона – Игоря. Именно

с Игорем вместе Антон в своё время смог создать всё то, что у него было сейчас. Всё то, что вот-вот уже было готово полететь в пропасть. И это очень беспокоило Игоря. Вся проблема и тяжесть ситуации была в том, что Игорь был безумно привязан к Антону. Как к брату. В своё время Игорь тоже пробовал дурь вместе с Антоном, вместе с Олегом. Однако, ему хватило сил и ума завязать.

Сложно сказать, осознавал ли Антон, что он сейчас в десяти минутах от места, где его лучший друг прощался с родным братом. По крайней мере, казалось, что это был самый обычный день. Какая-то простая деловая поездка, обычный день. Такие всегда были похожи друг на друга. Когда в голове мысли только о том, чтобы скорее со всеми делами закончить и вмазаться вечером.

Незаметно пронеслись приветственная табличка на въезде в город, кольцо, два поворота и заезд во двор. Итого три сигареты спустя Антон был на месте. У подъезда стоял гроб, ещё открытый. Люди ещё прощались с Олегом. У самого гроба стояли Игорь и Аня – сестра. Других родственников и близких людей у Олега не было. Где-то в толпе Антону удалось уловить мутный взгляд и засаленные волосы девушки-брюнетки, имя которой он так и не запомнил. Она плакала. Но к ней Антон подходить не стал – она была никем. Он быстро достал из машины венки, отдал их Игорю и Ане,

затем снова сел в машину, чтобы её переставить.

Проехал он метров пятнадцать, к месту, где все ставили свои машины. Когда Антон вышел из машины, его встречала Катя. Она была здесь давно, помогала Игорю и Ане.

Родителей те схоронили ещё два года назад, вот и остались втроём. Теперь вдвоём.

– Антош, – сразу начала Катя, – ты совсем, что ли, обдолбался?

Катя за годы отношений с Антоном стала жёстче, сильнее. Она стала прямой, всё меньше романтизировала и смотрела на мир реально, даже иногда пессимистично. Но внутри она оставалась всё той же – хрупкой девушкой с изумрудными глазами. Вот только эти глаза всё чаще отдавали печалью, чем дикой энергией, как раньше.

– В смысле? – оторопел Антон?

– Ты венки видел? – Катя стояла, скрестив руки на груди. На ней были чёрные брюки и серая блузка, а волосы аккуратно собраны в хвост. – На них же надписи: «От любящей жены», «От коллег», «От детей»...

– Ну?

– Да в помине у него не было никого из этих людей.

Антон пожал плечами, как бы выражая мысль: «Не повезло ему», обнял Катю, и вместе они влились в толпу скор-

блящих. Людей было достаточно много. Вот только атмосфера нависла весьма специфическая. Олег уже не первый год плотно сидел на «чёрном», потому из домов брата и сестры, а также любых других знакомых, регулярно пропадали деньги, ценные (и не очень ценные) вещи. Практически всем вокруг Олег последние годы жизни доставлял хлопоты, неприятности и попросту трепал нервы. Особенно, Игорю и Ане. Родные брат и сестра терпели больше всех. Свою часть наследства Олег бездарно прогулял. Брат с сестрой отдали родительскую квартиру ему, но она превратилась почти в притон.

Аня не была слабой, она была привычной ко многим вещам, которые бы сломали большинство девушек. Её муж был преступным авторитетом, находившимся в розыске уже около пяти лет. Что абсолютно не мешало ему свободно разъезжать по стране, иногда выбираясь на дальние лазурные берега, и в принципе жить на широкую ногу, гуляя в самых дорогих ресторанах и следя за своим бизнесом. Потому Аня была мудрой, наученной жизнью: знавала обыски, допросы и умела отлично увиливать от прямых ответов на не менее прямые вопросы. Нельзя сказать, что смерть брата её слишком расстроила. Да, ей было тяжело. Но в её кротких и редких слезах были и нотки облегчения. Крови испортил Олег окружающим много. В целом, можно было разглядеть тенденцию: чем больше слёз на щеках скорбящих, тем дальше

они были от усопшего. Очень многие стояли с почти каменными лицами, тупо глядя на гроб.

С таким же лицом стоял и Антон. По сути, в его жизни ничего не менялось. Антону уже давно не нужна была компания для того, чтобы пусть по ноздре, курнуть или вмазать пару кубов. Он уже стал нормальным торчком-одиночкой, которому было достаточно залипать в потолок.

– Антош, ты же не простился? Давай подойдём, – с этими словами Катя повела его к

Олегу.

Антон притронулся к гробу, посмотрел на лицо и закусил губу. Именно в этот момент он сколько-то осознал, что это момент, когда сердце человека остановилось. Тот, что ещё вчера дышал и делал, что хотел, лежит в получасе от того, чтобы оказаться в земле.

– Прощай, – всё что сказал Антон. После чего он в очередной раз подошёл к Игорю и

Ане, обнял их. Это были крепкие объятия, ощущалась лёгкая дрожь. Антон обратился к ним: – Держитесь, ребята. Всё будет.

Брат с сестрой молча кивнули головами.

– Спасибо, что приехал, – сказал Игорь. – И ты, это, бере-

ги себя. Пожалуйста. Сам видишь, как оно.

Антон пропустил это всё мимо ушей и пошёл в сторону, обхватив Катю.

В этот момент послышался гул мотора, резкий скрип тормозов. Все присутствующие обернулись в сторону заезда во двор. Одной машиной на импровизированной парковке стало больше. Автомобильный ряд пополнился новенькой «БМВ», из которой вышел муж Ани – Миша. Вот так, вся милиция страны ищет, а он – на похоронах у брата жены. Так всё просто. Миша громко хлопнул дверью, нажал на пульте сигнализации кнопку – машина издала характерный звук. Секунду мужчина оглядывал людей, посмотрел на свою жену, затем громко воскликнул:

– А чё, бля, тут ещё кто-то плачет? По-моему, радоваться надо!

Аня посмотрела пустым взглядом на мужа и обратила на себя внимание словами: «Давайте начнём!»

Батюшка, стоявший всё это время в стороне в подготовке к процессии, был просто ошарашен происходящим: странной реакцией людей на смерть человека, на громкое появление последнего из присутствующих. Он оправил рясу и начал – деваться ему было уже некуда. Ну, не знал он,

на что подписывался.

Миша, отходя от машины неспешным шагом, прикурил сигарету и остановился возле

Антон и Кати. Мягко поздоровался с девушкой тихим, но уверенным, «Привет» и кивком головы. Катя ответила тем же. Затем Миша пожал руку Антону, слегка улыбнулся и сказал:

– Ну, что? Готов?

– К чему?

– А ты, по ходу, следующий, – Миша выдохнул дым сигареты в сторону.

Антон скривился в усмешке. Он действительно считал, что он слишком крут для всего этого дерьма. Катя же слегка поперхнулась, сильнее сжала руки на груди и выдохнула от сбивающегося дыхания. Всё это было реакцией не на остроту и прямоту слов Миши, а на их правоту. Он уж слишком был недалёк от истины.

– Ладно, это я так, – с этими словами Миша почесал затылок, затем оправился. – Но ты бы, внатуре, подумал. Посмотри – людидохнут от передоза. Заканчивал бы.

В ответ Миша наткнулся только на пустую ухмылку.

– Ты обдолбанный? Я понять не могу, – Миша то затягивался, то жестикулировал с сигаретой в руке.

– Я нормальный.

– Ну, да и хрен с тобой. Твоё дело.

На этом Миша повернулся в сторону бабушки, уже отпевавшего его шурина. Затем скрестил руки на груди, продолжая время от времени затягиваться. Его мысли были заняты чем-то более важным, нежели похороны.

А у Кати теперь всё прочнее засела мысль в голове о том, что совсем немного – и точно так же будут хоронить и Антона. Да, она стала жёстче, сильнее, ко многому привыкла. Она даже научилась подкалывать Антона и его приятелей, научилась шутить, жить и улыбаться, зная, что самый любимый человек в её жизни висит на волоске.

Священник закончил обряд отпевания и начал прощальную речь о Боге, о смерти и жизни. О том, что есть переход из одного в другое. Это было нужно и помогало людям вокруг.

Миша выловил из контекста речи слова «был хорошим человеком» и не упустил возможности прокомментировать:
– Хорошим человеком он был... Кошечем Бессмертным он был – смерть в игле нашёл.

Такой юмор никак не трогал людей, что были приближены к Олегу и возмущал тех, кто толком и не знал его, одноклассников, однокурсников и прочих случайных знакомых.

Впрочем, самого Мишу мало волновало, кто и что там думает. Кто и что услышит.

Обряд прощания был окончен, гроб погрузили в машину, люди начали рассаживаться по машинам, в автобус или расходятся, если кто не мог ехать на кладбище.

Возле машины с гробом стояли Игорь, Аня и Катя с Антоном. Подошёл Миша, который уже успел с кем-то поговорить по телефону. Он обнял жену и спросил, как она. Аня ответила кивком головы и тяжким вздохом. Муж понял её без слов, поцеловал и сказал:

– Я на кладбище не поеду. Пора мне. Держись, всё нормально теперь будет. Я позвоню вечером.

С этими словами он пожал руки мужчинам, попрощался отдельно с Катей и уехал не

менее громко и заметно, как приезжал. Катя и Антон медленно шли к машине.

– Антош, я знаю, что сейчас просто колыхаю воздух, но Миша прав, – начала Катя.

Ответом ей послужило молчание. – Ладно, не будем. На кладбище едем?

Антон кивнул, открыл машину и сел за руль. Катя заняла место на пассажирском

сидении и посмотрела в сторону молодого человека, который сидел за рулём.

– Что? – повернулся к ней Антон.

– Ничего, – с улыбкой, пронизанной болью, ответила девушка. – А у тебя седые волоски прорезаются.

От этого она чуть не зашлась плачем. Общий фон, нагнетающая атмосфера, жизнь Антона, летящая в обрыв – всё это просто съедало Катю изнутри. Но она так умилилась сединокам Антона, хоть и очень сильно переживала, зная, откуда они взялись. Она понимала, что такая жизнь абсолютно ничего хорошего не принесёт Антону и ей, Кате. Эти мысли легко читались на лице девушки. Боль, переживания и любовь. Катя взяла за руку Антона.

– Я тебя люблю, – почти дрожащим голосом очень тихо говорила Катя.

Антон поцеловал девушку, сжал её руку и даже улыбнулся.

– За руль хочешь? – спросил он её.

– Не сейчас. Может, на обратном пути. Поехали.

Антон завёл машину, перевёл рычаг коробки передач в положение «Drive» и пристроился в колонну.

– Скажи, что всё будет хорошо, – усаживаясь прямо и начиная следить за дорогой, попросила Катя.

– Будет, моя принцесса. Обязательно будет.

Осенняя

Дома окутал туман, сквозь который просматривались только огни горящих окон. Даже силуэты самих домов этой осенней ночью было не разобрать. Я полусидел-полулежал на мягком диване у себя на балконе и забивал последнюю «пятку». Бережно и аккуратно, пытаюсь не просыпать ни крошки мимо.

Я сидел в наушниках и слушал музыку на половине громкости. Мой отдых.

После бывшей жены в квартире остался хороший ремонт – красивый и качественный. Сама же она ушла к другому уже 5 лет назад. Говорят, что счастлива. Другие говорят, что ушла уже к третьему. Третьи – что... впрочем, какая разница? Спасибо ей за то, что сделала красивой квартиру. Спасибо, что уговорила меня сделать этот балкон мягким – мы застелили пол мягким материалом, сделав из балкона один большой застеклённый диван. Молодец она, всё же. И, что ушла, оставив меня одного, тоже молодец. Я счастлив.

Я упирался головой в стену и смотрел сквозь туман.

Мгновение – и скрученный косяк уже поедал пламя зажи-

галки. Секунда – вдох. Затыг. Кашель. Выдох. Пошло.

Ещё один затыг – и на моём балконе уже был почти такой же туман, что и за окном. Этот сладкий манящий запах, хватающий тебя за горло и поднимающий наз землёй. Он забирает твою жизнь по крупицам, по капелькам, по ниточкам. Когда дым начинал растекаться по телу, казалось, что кто-то аккуратно разрывал кожу на волокна и так сладко вытаскивал их по одному. Холодок. Сердце бьётся сильнее. Ещё один вдох-выдох. Кайф.

Тело переставало поднимать, глаза слегка прикрылись. Музыка в ушах расплывалась, и я уже едва улавливал её в своей голове. Однако, вопреки всем надеждам забыться, я ловил за хвост какие-то странные и новые мысли. И именно они звучали в моей голове, оставляя пронизывающее эхо.

Я смотрел сквозь туман на виднеющиеся огни окон и думал. Я представлял, что происходит за этими окнами. А ведь за этими окнами – жизнь. В этих муравейниках, в этих пошловатых советских высотках топорной постройки была жизнь. В это сложно поверить. Но люди, как и я, ютились среди панелей, и даже были счастливы. Я попытался представить за одним из окон семью – большую и крепкую – счастливые люди, сидящие за одним столом, ужинают. Отец с матерью внимательно слушают, как сын, закидывая за обе ще-

ки макароны с котлетами, рассказывает про школьный день, про соседку по парте, про «отлично» за сочинение, про гол, который забил на физкультуре. В это время его сестра пишет «Я тебя люблю» в смске своему первому в жизни парню. Мать улыбается, а отец украдкой держит её за руку под столом.

В другом окне я почему-то увидел, как молодая семейная пара придаётся безудержному сексу на семейном ложе. Как они в щепки уничтожают под собой кровать, пугают соседей криками, и бьются иногда о стены крохотных квартир в этом большом муравейнике.

Я снова перевёл взгляд. Что ждёт за новым огоньком? А здесь – проза жизни. Муж-алкоголик избивает жену и кроет матом ребёнка, которого когда-то так хотел. Неужели ради этого мужчины приходят в жизнь женщин? Чтобы испортить её? Чтобы помочь ей родить раненое чадо? Ради чего они так долго добиваются любимых женщин? Цветами, поступками, предложениями, кольцами? Чтобы дать нового человека. И только?

В окне, что чуть левее, похоже кто-то первый раз пробовал марихуану, закашливаясь и зеленее от струйки дыма, что побежала по дыхательной системе. Прямо под этим окном – другое – тут кто-то уже не первый раз пускает дурь по ве-

не. Пустая квартира, уже окончательно напоминающая комору, бездыханную и безжизненную. Место, где даже тараканыдохнут от того, что из таких домов смерть высасывает свет через трубочку, как шлюхи в клубах высасывают дешёвые коктейли.

Затяг. Вдох зелья. И снова взгляд сквозь туман, сквозь жизнь, сквозь окна. Как жаль, что нет ответа. Но не терять же жизни в его поисках. Легче и вовсе без вопросов, чем в поиске ответов. Всё равно, легче не станет. Курим, пускаем дым. Наслаждаемся осенью, гуляющей по моему району меж этих высоток и старых деревьев.

Внезапно музыка в наушниках прервалась и сменилась на звук рингтона. Я потянулся рукой к кнопке на микрофоне:

– Алло!

– Привет! – послышался знакомый голос.

– Привет, – я запнулся, сглатывая струйку дыма.

– Узнал?

– Узнал.

– Занят?

Я замолчал. Я не был к этому готов. Это была Лика. Откуда у неё мой номер? Или это я под кайфом? Не знал. Но на всякий случай затянулся, чтобы не отпустило, если это только мои глюки.

– Алло! Ты чего молчишь?

– Прости, Лика, задумался. Откуда у тебя мой номер?

– Артём дал.

– Артём?

– Бармен

– Ааааа... – потянул я и снова затянулся, в этот раз для уверенности.

– Ты сейчас где?

– Я дома.

– Увидеться хочешь?

– Да. Знаешь, за баром, где мы обычно с тобой... эээээ... гуляем, есть спальный район?

– Это по улице Проёбанного Неба? Знаю.

– Да, я в десятом доме живу. Подъезд второй, седьмой этаж, чёрная дверь.

– Я рядом. Буду минут через 15. Жди.

Зазвучали короткие гудки. Я дотянул косяк в одну тягу и затушил его в пепельнице. Первая мысль в голове была – встать, но она явно потерпела провал. Ноги были крайне не согласны с моей светлой мыслью их переместить с балкона. Они так и говорили: «Братан, никуда не идём, сиди». И я сидел. Я посчитал, что время у меня, всё же есть.

Я снова залип в затуманенные окна. Снова смотрел на эти огоньки – их становилось всё меньше. Они гасли один за одним. Осенняя ночь затягивала в себя мою улицу, а туман добавлял зловещности в эту ночь. Как в каком-нибудь триллере.

Внезапно всё это превратилось в моём воображении в рок-н-рольные небеса Кинга. Целая улица была заполне-

на живыми трупами. Но не звёзд, а обычных людей. Высотки стали, как новые. Из грязных и захудалых панельных коробок с вонючими лифтами и мокрыми подъездами они стали величественными и чистыми, так и кричащими: «Мы идём в светлое будущее!»

Как будто рассвело. Люди забегали, счастливо играя с детьми. Так это всё представляли те, кто их строил. Так это всё выглядело в смелых фантазиях. А посреди двора между зданиями, где красовался памятник герою – тому, в честь которого и назвали улицу, – бегала малышня. А сам герой возвышался над этим все с улыбкой. Он внезапно оказался возле меня, на моём балконе. Я, как будто, увидел это всё его глазами. Он смотрел и улыбался. Потом взглянул на меня. А что я мог ответить? Я знал – спустя полвека, всё будет совсем по-другому. Я повернулся к нему и сказал: «Юра, мы проебали твоё небо...» Его лицо рассыпалось, как мозаика, затем и тело растворилось в дымке. А потом пропала вся красота, радость и солнечность района. И снова вернулась она – осенняя ночная улица Проёбанного Неба.

Меня затрясло и бросило в жар. Буквально через 30 секунд бросило в холод. Я почувствовал, как сам рассыпаюсь. Но я не исчезал. Жаль. Мне казалось, что я весь зелёный. Я схватил минералку, жадно отхлебнул из бутылки. Потом открыл окно на балконе и высунулся из него наполовину,

пытаясь вдохнуть весь мир. Весь тот мир, который пытался ещё недавно выкурить. Я смотрел вниз и думал, как далеко и одновременно близко была земля. 7 этажей, а прыгнешь – и не заметишь. Но уже давно не 16 лет, чтобы думать, что это выход. Чтобы обманывать себя какими-то волшебными мечтами о той загробной жизни. Нет, сейчас я уже знал, что с крышкой гроба захлопывается и книга твоей жизни. Всё. Не выход, не решение проблем. И даже не конец. Большое охуенное ничего.

Невидимую пробку из моих ушей выбили звонок в дверь и звонок телефона – они звенели в голове одновременно, будто пытаюсь порвать барабанную перепонку. Я схватил телефон и побежал к двери. Это пришла Лика. Я отбил звонок, посмотрел на экран – 6 пропущенных. Интересно, давно она пришла? Я был в отключке? Как долго?

Я достиг двери, запыхаясь, открыл.

– Что с тобой? – спрашивала Лика, хотя её лицо выражало минимум обеспокоенности.

– Всё в порядке, вырубило ненадолго. – Ясно.

Лика шагнула в квартиру, оттолкнув меня бедром. Иногда я настолько закрывал себя оболочкой, что мне хотелось, что-

бы все люди были вампирами. У вампиров есть один плюс – они не могут зайти в дом, если их не пригласить. Вот бы такую фишки и людям.

Ли́ка стояла в коридоре, уже расстегнув пальто. Она была шикарна. Налитые бёдра, обтягиваемые чёрной юбкой-карандашом и то ли колготками, то ли чулками. И розовый свитер свисающий на плечах. Макияж, обращающий внимание на её глаза цвета электрического разряда. Чёрный блядский макияж на глазах, длинные ресницы. И волосы в хвост, которые больше подошли бы студентке-отличнице, чем опытной амфетаминщице.

Я разглядывал её. Рассматривал её шикарное молодое тело, которым иногда имел счастье наслаждаться, овладеть. И даже не сразу заметил бутылку «Asti» в её руки. Наполовину пустую. Она отхлебнула, протянула мне. Я тоже сделал большой глоток, уже возбуждаясь и предвкушая будущий секс с этой богиней похоти и разврата. Мой ум уже пытался предположить, в каком она белье, мозг листал картинки прошлых встреч. Я вспоминал, что каждый раз она пропадала. Исчезала с последним дымом. Но сейчас она была в моей квартире. Был шанс, что в этот раз мираж не растает.

Пока я пил, Ли́ка уже расстегнула сапоги, но не спешила снимать пальто. Она посмотрела на меня, затем задрала юб-

ку. Я увидел чёрные чулки и слегка видневшееся чёрное бельё. Мой взгляд упал на правую ногу Лики. Там на чулке был закреплён пакетик с порошком. Лика

поймала мой взгляд и спросила: – Хочешь?

– Да, – однозначно сказал я, думая и о самой Лике, и о пакетике, закреплённом на чулке.

– Тогда заслужи.

С этими словами она скинула с себя пальто. Стащила тот самый чулок, бросив пакетик в него. Дальше она прошла в комнату, бросила чулок с порошком около кровати, стянула с себя юбку медленно. И, наконец, сняла свитер.

И вот – она стояла в полумраке комнаты в шикарном чёрном белье и одном чулке. Я шагнул за ней. Поравнявшись, мы затянулись в страстный поцелуй, который опьянял рассудок ещё сильнее марихуаны. Я абсолютно не соображал, что происходит. Мозг отключался. Даже не так – мозг стекался из головы к члену. Ноги держали всё хуже. Лика прикусила мою губу, больно потянула за неё. На моих губах выступила кровь. Она слизала её – глаза девушки загорелись нездоровым блеском. Лика залезла на кровать (кроме кровати в комнате, в принципе, и не было ничего – лишь два кресла и те-

левизор, да журнальный столик между креслом и кроватью), стала раком и выгнулась в спинке. Я окончательно потерял возможность мыслить и контролировать себя.

Ещё мгновение – и я стащил с себя футболку, бросил её в сторону, спустил штаны на пол, за ними – трусы. После чего прижался к Лике. Я чувствовал, что она ещё сильнее возбуждалась. Я начал ласкать её рукой – она была мокрой уже насквозь. Я потянулся к презервативам на столе. Вытащил из пачки один, зубами разорвал упаковку и быстро натянул на член. О, да, я невероятно хотел скорее оказаться в ней. Почувствовать каждый изгиб её тела. Я отодвинул рукой тонкие трусики, вставил в неё член.

Лица жарко задышала. Она издала протяжный стон, задрала голову вверх. В этот момент я схватил её за волосы. Она прошептала: «Да, вот так». Боже, у неё были прекрасные волосы. Густые, красивые и очень длинные. Я начал её трахать. Я наслаждался каждым своим движением, каждым её движением. Каждым мгновением вместе. Каждым сантиметром внутри меня. Похоже, что и она тоже была далеко. Я ослабил хватку, чуть отпустил её, она повернула голову ко мне. Я даже смог разглядеть её затуманенные от возбуждения глаза. От этого я начал трахать её всё сильнее и сильнее. Я набирал темп, я с силой входил в неё. Она чувствовала меня очень чётко – об этом говорили её крики, стоны, вздохи. Я

накрутил её волосы на руку, не останавливаясь. Она закайфовала ещё сильнее, простонала: «Трахай меня». От этого я возбудился до предела и продолжил трахать. Она кончила. Её ноги затряслись, по бёдрам явно пробежала дрожь, подкашивающая колени. Лица упала на кровати. Секунд 15 пыталась отдышаться, а я в это время лежал на ней сверху. Она собралась с силой, скинула меня, перевернула на спину, стянула презерватив, отбросила его в темноту и прильнула губами к члену. Лица облизывала, целовала, посасывала. Она была хороша. Не забывала помогать себе рукой для полноты моих ощущений. Лица держала член во рту, облизывала его языком. И я не мог долго держаться. Я кончил ей в рот, а она сглотнула всё, до последней капли. После чего облизала головку, поцеловала её, и упала в моих ногах.

Это было невероятно. Захватывало дух и хотелось ещё. Моё сердце билось о грудную клетку, как узник о стену камеры. Тишину разрывали только наши вздохи.

– Заслужил, не поспоришь, – сказала, наконец, Лица.

С этими словами девушка дотянулась до своего чулка, достала из него пакетик с порошком. На столе нашла чью-то визитку и какую-то мелкую купюру. Затем Лица, укусив мою шею, рукой отодвинула мой подбородок. Она насыпала дорожку на шею мне. Я боялся дёрнуться,

чтобы не рассыпать и не обломать ей кайф. Ловким движением Лика скрутила купюру, потом медленно вдохнула дорожку, закинула голову. Закатила глаза. Потом облизнула остатки дорожки. Вновь упала рядом, возле меня. Насыпала дорожку себе на живот, подровняла визиткой и протянула мне купюру. Я снюхал быстро. И тоже облизнул остатки с неё языком. Мне хотелось Лику больше, чем хотелось наркоты. Но...

Но приятных холодов снова коснулся меня. Вновь знакомое ощущение того, что в моих венах течёт заряженная кровь – хоть в космос лети! Снова это ощущение непобедимости прилиvalo ко мне. Я живой.

Спустя ещё буквально минуту, я оказался на Лике. Мы занимались сексом, слабо контролируемым ещё несколько часов. Наслаждаясь друг другом. Испивая друг друга. Овладевая друг другом. В разных позах, в разных местах квартиры.

Затем успокоились.

Лика уснула. А я снова выполз на свой балкон. Там было всегда тепло и уютно. Я нашёл пачку сигарет возле пепельницы. Закурил. Я не понимал, отпустило ли меня окончательно, или ещё нет. Я не знал ничего. Я просто курил и бес-

цельно смотрел на дома, вновь прокручивая в голове все сегодняшние порно-сцены с Ликой. Я дрожал от того, как мне её хотелось, как я снова был готов её взять. И брать её постоянно. Я хотел бы умереть, трахаясь с ней. Хотел бы жить, не вынимая из неё члена. В ней было так хорошо...

Я курил, пуская дым в стёкла. Курил и смотрел на огни окон. Они почти все погасли, но ещё несколько упорно не тухли. Видимо, сессия. Студенты учили. И тут я снова задумался. Снова представил тот мир, который люди видели 50 лет назад. Всё то, что они представляли, как видели нас – своих внуков. Я снова смотрел на дома по улице Проёбанного Неба. Вновь видел мам и детей, гуляющих среди красивых и мощных домов, среди фонтанов и приветливых ив и тополей. На отцов, которые возвращались с работы к детям. С улыбкой, со счастьем в сердце. Представил счастливый мир радостных семей. Снова улыбнулся с болью. Выдохнул ментоловый дым сигареты, и посмотрел на вновь явившегося мне героя. Мы с грустью смотрели друг на друга. И опять я нарушил молчание, глядя ему в глаза: «Юра, мы проебали твоё небо. Прости».

Многоэтажки

Наш воздух забирают многоэтажки. Каждый раз, приходя домой или заковываясь среди бетонных блоков, мы выдыхаем воздух прямо в панели. Мы сами отдаем этим стенам свою жизнь. И там, где, казалось, горят окна, уже не горят глаза. Уже не говорят потаенным шепотом с нами мудрые стены старых домов. И земля, уходящая из-под ног, уже не раскрывает сакральных истин.

Количество этажей – это уже не жажда человечества к высотам, к небу, к космосу, к покорению. Это лишь потребность – впихнуть как можно больше живых организмов на одном клочке земли. А что за этим? Мы разучились мечтать. Мы только тупо пялимся в бездушные стены серых домов. Мы разучились любить. Зато каждый из нас научился говорить другому: «Ты будешь счастлив. Ты хороший!» Мы убили Романтику и красоту. Потому что мы люди. Нас послали в мир созидать, а мы научились рушить. Но как божественно мы это делаем! Нас научили, что нужно делать как проще – вот мы и делаем. Мы заживо похоронили себя в многоэтажках. Наверное, и я, когда дотлею, осяду пылью на кирпичах или бетоне. Стану частью живых братских могил. Я и так держусь из последних сил.

Мир уже никогда не изменится, потому что это уже в наших генах.

Наверно, хорошо бы не дожить до старости. Иначе я стану одним из тех вечно ворчащих зануд, ноющих о былых временах.

Мир сходит с ума. Когда у молодых людей рождаются дети, на них смотреть с презрением. Мол, не стали толком на ноги, не пожили. А люди готовы жить для кого-то, для малыша, которому предстоит в этот мир что-то принести. Эти люди уже отдают миру что-то, хотя бы, этому маленькому человечку. Другие же – пришли только брать. И все мы продолжаем мечтать об уютной бетонной клетке в новой многоэтажке. Не о новых знаниях, не о том, чтобы внести в мир что-то, не о детях. А ведь ради детей и стоит жить. Самое большое счастье! Когда я смотрю на пару с детьми, я улыбаюсь. Мне хорошо на душе. И одновременно с этим мне грустно – я не знаю, постигнет ли меня такое счастье в жизни.

Я живу. Мимо всего. Мимо мечты о клетке в бетонном кладбище и мимо жизни. Я бы прописался в баре. Но наше государство не совершенно – прописаться нужно среди бетона. Уютная барная стойка в качестве прописки в паспорте не катит.

Мне было жаль, порою, что я не из тех, кто может просто запить и не думать о чём-то. Даже в тот момент, когда решение жить или нет принимается монеткой, я знал, что буду делать завтра. Я знал, что сегодня выпью коньяка, чтобы разогнать кровь и убить сотню-другую нервных клеток,

а завтра я рано утром буду на работе. Всё как обычно. Я не из тех людей, кто сможет остаться с коньяком, выключить телефон и пить, пока не станет хотеться хоть каких-то красок. Я из тех, кто придёт в бар, усядется на высоком стуле у стойки и будет смотреть. Смотреть на бутылки, смотреть на то, как ловко бармен перекидывает их за спиной. Я буду смотреть на людей, пытаться придумать в своей голове их судьбы, сплести линии жизни. А, кстати, интересно, сколько людей, сидящих в баре, пересекались уже в жизни? Задумайтесь, вы сидите за столиком, вокруг вас — незнакомые люди. Но с кем-то вы стояли в очереди в магазине, с кем-то вы ехали в транспорте однажды, а где-то, возможно, сидит девушка, с которой так и не познакомились в клубе.

И вот я именно из тех людей, которые будут хлебать коньяк с колой и думать о том, что вокруг, иногда тупясь в бокал. И я буду этим заниматься, пока бармен не спросит: «Чего-нибудь ещё хочешь?» Я-то, может, и хочу. Или не хочу. Я не знаю, что ответить — я не уверен, хочу ли я жить. Я не уверен, живу ли я сейчас вообще!

Я выйду из бара, слегка захмелевший, пропущу мимо внимания несколько женских взглядов и улыбок в мою сторону. Плевать на них. Я пройду до ближайшей многоэтажки и потуплюсь в неё. Многоэтажки — это самое мерзкое и ужасное, что есть в нашей жизни. Они разрушают романтику, убивают любовь и крошат мечты на кусочки. Наша жизнь рассыпается. Точно так же, как сыпятся старые совет-

ские высотки. Хотя, новостройки тоже лет через 5 уже начинают активно ссыпаться стружкой вниз — к земле, которая их держит.

Я уверен, что все беды в жизни от многоэтажек. Я вырос среди невысоких домов. Многие мои друзья тоже выросли в этих же пятиэтажках. Мы не знали, что такое лифт, что такое устать во время подъёма домой. И мы мечтали, сидя на ступеньках, играли в карты, пели песни. Нельзя мечтать в лифтах. В лифте слишком грязно, чтобы в нём рождались мечты, чувства и вообще что-то светлое. Люди, росшие в многоэтажках отличаются от тех, кто рос в домах до пяти этажей в высоту. «Многоэтажники» злее, циничнее, прямолинейнее и куда более грустные и пустые внутри. Потому что стены в 10-20-30-более этажей высасывают куда больше жизни, сил, энергии и воздуха из тебя.

И я рад, что во мне ещё есть воздух. Я чувствую себя пустым, но я себя чувствую. Значит, ещё способен на что-то. Может быть, я ещё способен любить и мечтать. Всякое же бывает. Одно точно — я всегда остаюсь способным верить. Если потерять веру, то жить уже не будешь. Не стоит жить без веры, по крайней мере. Раз во мне что-то осталось, я чего-то стою. Чего-то стоит и моя жизнь. А это делает меня счастливее.

В чём секрет? Держитесь подальше от многоэтажек, иначе вы попадёте в этот плен. Хочешь стать вечным донором для серых осыпающихся стен?

Вот я и стараюсь обходить многоэтажки, избегать спальных районов в несколько десятков этажей. Мне роднее пять. Обычные, тихие, с бурлящей жизнью внутри. Люди здесь честнее. Хотя, казалось бы, высотка тянется к небу — иллюзия полёта, но, наоборот, делает тебя приземлённей. Обходи многоэтажки. Старые обходи — сыпятся, новые обходи — без души они. Любые обходи.

И жаль, что я не из тех, кто может просто запить в одиночку, чтобы не так остро всё ощущать и пропускать через себя. А больше всего жаль, что я из тех бабников, которые в тайне очень хотят семейного счастья. Наверное, я бы перестал пить, имей я жену и детей. Какой смысл пить, когда тебя на работу провожает любимая женщина, приготовившая тебе завтрак? Какой смысл пить, если ты возвращаешься домой, а тебя ждут и встречают? Откуда браться алкоголю в жизни человека, который в погожий выходной денёк идёт с семьёй гулять — дышать воздухом, общаться, есть мороженое, играть с ребёнком, фотографироваться и так далее. Так хотел бы и я, но пока у меня есть только стакан. А пока в первые весенние деньки я хожу не по парку с ребёнком, не по тропинкам среди деревьев, а между грузными серыми многоэтажками. Только стираю кеды под подъездом у дома той женщины, которую уже не назову своей женой. Весна. На улице уже почти +20, а около твоего подъезда все -30. Холод. А виной всему эти дурацкие многоэтажки. Точно.

Ночная

Тяжёлая неделя. Звеня ключами, я закрыл дверь в свою квартиру. Отшвырнув ботинки куда-то в угол коридора, повесив на вешалку пальто, я прошёл в комнату и оставил дорожную сумку около дивана. Ещё пару секунд я мялся между двумя мыслями: приготовить ужин или сразу лечь спать. Однако, общая усталость и остаточный гул колёс в ужах быстро убедили меня в том, что без еды я до утра ещё легко протяну.

Я нарочно не включал свет в комнате. Мне хотелось темноты и тишины. У меня всю неделю забирали мои законные ночи, и я хотел, наконец, услышать эти ноты спокойствия, быть в объятиях темноты и чувствовать дыхание ночи на своей шее. Наконец, я наслаждался. Впервые за долгое время я получал удовольствие от собственного одиночества. И я распорядился им максимально эффективно – делал то, что делал бы на моём месте любой здравомыслящий человек. Я просто закрыл глаза и лежал на диване.

Меня укутывали тёмно-синие цвета окружающего мира, затянутого плёнкой ночи. Кажется, что сам воздух мне шептал: «Спи». Но как же, чёрт возьми, бывает сложно уснуть! Вот именно в тот момент, когда ты понимаешь, что сели батарейки и истощены все ресурсы твоего организма! Именно тогда и сложнее всего уснуть. Глаза всё хотят разомкнуться, мозг отказывается выключаться, и даже слышно, как пуль-

сирует кровь в венах.

Что происходит с уставшим человеком, лежащим в постели перед сном, знают все. Да, его окутывают мысли. Самые неблагоприятные, самые мерзкие, самые тошнотворные и вырывающие душу мысли. Воспоминания, кажущиеся зубами на горле. Чувства, что окутывают сердце столь же мягко, как и колючая проволока. В общем, все эти чудесные вещи, из-за которых мы спиваемся, уходим в наркотический туман и просто теряем самих себя.

Последнее время я ощущал, что из меня уходит жизнь. Нет, это никак не связано со смертью, с болезнью или ещё невесть чем. Из меня уходила жизнь – та, которая позволяет видеть краски: любить, ненавидеть, мечтать и разочаровываться. Как обычно, подобные состояния приходят постепенно. Помню, когда это начиналось, было ощущение, что я превращаюсь в огромный холодильник. Потом, наоборот, в испепеляющий огонь. А теперь – пустыня, из которой уже даже песок исчезает. Однако, у пустынь есть одно преимущество – их можно наполнить всем, чем захочешь. Пустыня внутри меня уже была, оставалось лишь решить, чем я наполню свой драгоценную Сахару.

И даже ощущение того, что всё вокруг достало и просто высасывает энергию, пропало. Никаких ощущений. Может, именно это буддисты и называют волшебным словом «дзен»? Только ты сам и твои голоса в голове. Или там не должно быть голосов в голове?

В любом случае, сейчас я чувствовал себя свободным от мира. Это было удивительным парадоксом – я не ощущал мир, не пропускал его через себя, но именно это позволяло видеть мир настоящим. Чувствовать его, тянуть за незримые ниточки и забирать своё. Я потерял интерес к окружающему, и сразу предо мной восстала мировая изнанка. Можно сказать, что я мог вскрыть любого человека, любое деревце и даже сам воздух. Как будто бы разрезать хирургическим скальпелем и увидеть содержимое. Именно так представал предо мной мир лишь по одному желанию, подчиняясь лишь одному моему взгляду – покорно показывал тонкие нити, из которых соткан. Чтобы обрести весь мир, нужно сначала потерять себя.

А себя я потерял полностью. Я владел миром, имея возможность цепляться пальцами за его нейроны и нервные окончания. Но я сам не заметил побочного эффекта – мир стал властен надо мной. Он мог бросить меня в какую-либо передрагу, сделать роскошный подарок, наградить знаниями, помочь, ударить носом об землю – он мог всё! Не смотря на эту полную зависимость от незримых нитей мира, я был спокоен. Я чувствовал себя любимой игрушкой. А любимые игрушки не выбрасывают и не сжигают, лишь иногда бросают на пол. Бросают, чтобы снова поднять.

Меня уже начал накрывать сон. Звуки становились острее, тело уже почти не ощущалось, глаза слиплись. Почти наркотическая нирвана в самом-самом начале. И вот её пре-

рвали. Мерзкое ощущение. Противным перезвоном раздался мобильный телефон из кармана. Одним движением я достал телефон. Лика.

Снова Лика. Сколько же мы с ней не виделись? Сколько дней я не слышал её голос? Не знаю сам – моя жизнь скользила по оси времени, как по льду. Я уже терял ощущение хода часов, дней, недель, месяцев...

– Алло, – наконец отозвался я.

– Приехал? – радостно откликнулась Лика.

– Откуда ты знаешь, что я уезжал?

– Какая разница? – я понял, что она не отвечала, потому что действительно эта

информация не имела никакого значения. Я подчинился этому подходу, тоже не люблю лишнее. – Меня видеть хочешь?

– Зачем?

Лика явно не ожидала от меня такого ответа. Никогда в жизни я не мог себе такое позволить, тем более, по отношению к ней. И тут вдруг! Я представил, как в этот момент запылали её глаза.

– Ты соскучился, – девушка подавила в себе испепеляющие позы и явно сказала последнюю фразу на выдохе.

– Не исключено, – наша игра в кошки-мышки продолжалась. Меня задело, что она акцентировала внимание на том, что соскучился именно я, а не она.

– Значит, я еду. Жди через 20 минут.

Соскучился. Хотелось бы, однако, не чувствовал я подобных вещей уже давно. Чтобы что-то чувствовать, надо жить. А у меня вместо жизни была игра от третьего лица – старая знакомая игра с графикой прошлого поколения, но с неплохим сюжетом. К таким обычно привязываешься, но в какой-то момент играешь без эмоции, просто механика нравится и интересно чем кончится происходящее. Соскучился? Не соскучился я. Но не поделюсь я этими ощущениями. Она никогда не сможет понять, что это не плохо. Абсолютно ничего нет плохого в том, что я не соскучился по ней.

Но факт оставался фактом – Лика будет уже скоро. Когда-то меня это очень крепко заводило. Год назад я бы отдал многое за такие её звонки и приезды. А сейчас...

А сейчас время подходило к полуночи. И снова пара сумасшедших полуночников сойдётся, чтобы вычеркнуть эту ночь из списка обычных ночей. Лика была в пути, но я ждал совсем другого. И я снова закрыл глаза.

Пришёл в себя я только вместе с дверным звонком. Дверь открыл не глядя.

– Привет.

Лика смотрела на меня без той своей обычной уверенности. Я больше не таял

под её взглядом, скорее, наоборот, она готова была отдать всю себя и всё, что у неё есть, чтобы я смотрел на неё так, как год назад.

Девушка мялась на пороге.

– Мужик какой-то заходил, я скользнула за ним. Поэтому без звонка в домофон. Она слегка улыбнулась, в её глазах блеснул коронный огонёк. Тот самый огонёк, в который влюблялись все её мужчины – озорной, дикий, страстный и непокорный.

Девушку с таким взглядом хочется приручить. Хочется взять за волосы, подтащить к себе, посмотреть в глаза и мягко, но уверенно, произнести: «Ты моя». А затем наслаждаться тем, как она вьётся у тебя в ногах. Твоя домашняя хищница. Только твоя. Покорённая.

Но мне от неё нужно другое. Она просится к ногам, она уже покорена. Это её удел – быть в моей власти и подчиняться тому, что я от неё требую. В этом её кайф. А мой? А мой кайф – у неё в чулке. Где-то полграмма отборного кайфа.

Только после длительной паузы я отошёл от двери, пуская уже продрогшую на холоде девочку в лёгком осеннем пальто.

– Чего ты хочешь? – спросила Лика, глядя мне в глаза. Её губы слегка дрожали, то ли от холода, то ли...

Меня больше не прониимает её внешность, её голос. Меня вообще чей-либо голос не прониимает, тем более, не сводит с ума. С этой мыслью я прижимаюсь к ней, почти вдавливаю её в стенку, расстёгиваю её пальто и приподнимаю свитер. Всё происходит так быстро, что Лика успеваает лишь выдохнуть горячий воздух изо рта. Что ни говори, а она очень красива. У неё невероятное тело, шикарные губы, пленящие глаза. И особый кайф – чувствовать, что над тобой это всё

больше не властно. Я властен над ней – над всей её красотой, над её телом и душой. Она моя!

Я целую Лику, она обхватывает мою шею руками, слегка царапая затылок ногтями, потом переходя на верх спины и плечи. Я кусаю её за ухо, она вздрагивает. После чего я поднимаю её юбку – и, да, нащупываю в чулке заветный пакетик. Резко вытаскиваю его и ухожу в комнату, легко отпустив Лику.

Она в прострации. Она возбуждена и разочарована одновременно. Внутри неё огонь и пустота. Яд её пламени может обжечь любого, но надо мной она не властна. Лика очень остро чувствует, что не сможет отравить меня. Поэтому она остаётся в коридоре, тяжело дыша, почти срываясь на плачь. Но нет – слёз не будет. Моя девочка может в последний момент совладать с собой.

Пока она стоит, облокотившись на стенку и медленно раздевается и снимает верхнюю одежду, я уже на диване около журнального столика. Отодвинув мешающие мне предметы, я высыпаю из пакетика немного содержимого прямого на недочитанную книгу.

Лика уже прошла ко мне – свитер, слегка оголяющий её плечи, почти строгая юбка, и нежность, вырывающаяся наружу.

– Будешь? – поворачиваюсь я к ней.

– Нет, – тихо и неуверенно шепчет она, тупя глаза в пол.

– Как знаешь.

Я лишь пожал плечами и быстро вдохнул порошок. Кайф! Да, сам процесс, сам момент! Эти крупички, бегущие по моему нутру и растворяющиеся где-то там в крови. Или как эта хрень действует? Плевать. Ещё немного – и точно вершина мира моя! Лишь в моей власти! Как Лика.

Я настолько увлечён происходящим сейчас, лёгкой дрожью от амфетамина, что не замечаю, как Лика сзади обняла меня и целует мою шею. Да, умница, девочка. Продолжай. Я начинаю уходить всё глубже внутрь мира. Я таю в венах мира, как амфетамин тает в моей крови. И всё это происходит прямо сейчас и со мной!

Меня уже нет толком в этом пространстве. Я даже не замечаю, как Лика успела положить меня на спину и расстегнуть на мне джинсы. Я ускользаю из мира, я ускользаю от Лики и от себя. От всех ощущений. Только уходя от этого, можно по-настоящему что-то чувствовать!

Окончательно потерял себя. Я над всем этим миром. Одна из самых красивых девочек в мире обхватывает мой член губами и со всей нежностью и любовью ласкает его. Это ли не вершина мира? Это ли не власть?

Лика возбуждается всё сильнее. Я чувствую сквозь свою нирвану её жаркое

дыхание. Чувствую, как она цепляется языком за венки на моём члене, как целует его и облизывает. Как хочет меня. Как любит меня. Как покоряется мне. И весь мир в моей власти.

И плевать на усталость, плевать на всю дотошность и безумие этого мира. Плевать, что я не контролирую ни себя, ни происходящее в моей жизни. Этот мир – такой, как я хочу! Он сам приведёт меня к вершине, сам подарит мне всё, что я захочу. Я – любимая игрушка мира. Этого достаточно, чтобы иметь самое лучшее.

В этот момент я кончаю. Лика замедляет темп, медленно двигает головой, глотает мою сперму и со всей нежностью и трепетом вылизывает мой член. Затем, почти трясясь от возбуждения и желания, ложится возле меня.

Усталость, утрата сил, долгожданная доза амфетамина и Лика делают со мной что-то невообразимое. Я нахожусь между диким желанием заняться сексом с Ликой или уснуть. Наконец, моё сердце бьётся! Наконец, я что-то ощущая внутри себя. По пустыне внутри меня закружились песчинки диким танцем. Да они там джигу пляшут, чёрт побери! Сердце, спокойнее, не бейся. Всё отлично. Всё.

Нет, я проваливаюсь сквозь реальность по пелену сна. Темнота забирает меня окончательно. Я так и остаюсь, развалившись на диване с расстёгнутыми джинсами. Я засыпаю, проваливаюсь в полунаркотический сон, почти нирвану. Но я ещё что-то слышу и даже вижу, кажется, сквозь закрытые веки.

Лика смотрит на меня, понимает, что я уснул. Давит в себе злость, глотает комок в горле. Затем сама наклоняется над столом, рассыпает дорожку на ту же обложку той же кни-

ги и снюхивает. Примерно так, как я это сделал только что. Только, сдаётся мне, её дорожка побольше моей была. Лица падает рядом, утыкается мне в шею лицом. И я чувствую мокроту. Слёзы? Моя девочка плачет? Я засыпаю.

Утро приходит сквозь окно всегда неожиданно и как-то резко. Я оглядываюсь вокруг – нет Лики, нет ни её вещей, ни следов её присутствия. Разве что, остатки порошка на книге. Как всегда. Она моя только ночью, а по утру она растворяется амфетаминовой дымкой. Нет, не моя. И никогда не была и не будет моей. Она – ночная. Она принадлежит только самой Ночи.

Кашель

– И ты тоже кашляешь?

– Да, немного, – ответил я, слегка оторопев. Мне стало неловко из-за моего кашля.

– Все вокруг кашляют. Настораживает, правда?

– Почему? Осень. Все болеют.

В ответ официантка лишь пожала плечами и улыбнулась. Я посмотрел на неё. Девушка выглядела уставшей, но держалась хорошо. Аккуратно собранные в хвост волосы и неброский макияж добавляли ей некий шарм. Она забрала счёт.

– Я последний? Ты из-за меня, наверное, слишком задержалась?

– Не думай об этом, – девушка улыбнулась, как она делала это всегда. Ты ведь постоянный гость нашего заведения. Всегда рады. —

– Всё равно, неудобно как-то. Тебе среди ночи ехать домой теперь.

– Я рядом живу, в трёх кварталах отсюда. Дойду. Но ты можешь меня проводить.

Я почувствовал прилив сил после этого предложения, хотел что-то сказать, но получилось лишь кивнуть. Немного глупо вышло. Официантка поняла, вскинула голову и сказала:

– Чудно. Дай мне 5 минут, я переоденусь, закрою кафе и пойдём. Подожди на улице, пожалуйста.

С этими словами она скрылась в подсобных помещениях, а я вышел на улицу. Оставались последние деньки душного лета, поэтому к ночи уже на улице царила приятная прохлада. Прогулка была бы только в радость. Моё настроение было на подъёме.

Вот она и вышла. Наконец, с распущенными волосами, в лёгких обтягивающих джинсах и просторной рубашке. Она была просто красавицей. Лёгкий зеленоватый блеск её глаз дал знать, что вечер у меня не будет скучным. Я выпрямился и подался к ней. И девушка уже тоже не выглядела такой уставшей.

Маршрут к дому девушки проходил по живописной местности. Нам нужно было подняться вверх, по исторической части города. Разумеется, здесь вокруг были вековые деревья, старые дома, монументально возвышающиеся над жалким человеческими силуэтами. Редкие уличные фонари до-

бавляли улице романтичности их свет прорезался сквозь листву и оттенял на асфальте деревья. Красота. Не уходил бы отсюда. Мы шли, говорили ни о чём, я наслаждался голосом девушки, её лёгкостью, свежестью и какой-то пряностью. Она то и дело смеялась, замедляла шаг и смотрела на меня. Это был лучший вечер за последнее время. Я боялся, что он кончится слишком быстро. Ведь, по словам девушки, жила она неподалёку.

Слева от нас виднелся массивный парапет с лестницей, которой было не менее 70 лет, судя по её громоздкости и размаху. Ноги сами понесли меня в эту сторону, моя спутница не сопротивлялась изменённой траектории движения. Находка меня не могла не радовать. Поднявшись по лестнице, мы нашли старый заброшенный фонтан. Сквозь его стенки пробивалась различная зелень. Свет едва-едва пробивался в эту часть улицы. Место было идеальным.

Я открыл рот, чтобы продолжить разговор, но вместо слов из меня вышел лишь кашель.

– Вот опять! – заметила девушка. – Что-то явно не так.

– Почему ты так считаешь?

– Не могут же люди так массово болеть. Не бывает так!

– С людьми всякое бывает. Ты слишком много об этом думаешь.

– Может быть. Я, конечно, понимаю, что это всё похоже на простую паранойю, но ты подумай только! Может, что-то не очень хорошее происходит? Может, какой-то заговор?

Вдруг, нас кто-то травит?

– Ну, у нас же смог недавно был.

– Согласна, – опустила она голову вниз и потупилась в пол. – Но подумай только! девушка слегка прервала саму себя, затем взяла меня за руку. Вдруг, нам всем осталось совсем немного? Прежде, чем продолжить мысль, она села на парапет. Что за чертовка! Оборвала мысль столь же внезапно, как её и начала. Врасплох просто!

Затем она достала из сумочки пакетик с табаком и бумагу.

– Только представь! – начала она, параллельно готовя себе сигарету. – Представь, что параноидальные мысли о заговоре или массовом отравлении превратятся в правду?

Я смотрел на неё очень сосредоточенно. Мне было непостижимо, всерьёз она или ради веселья. Но я слушал это. Считал откровенным бредом, но слушал максимально внимательно. Наверное, если бы я так внимательно слушал преподавателей в университете, сейчас был бы миллионером.

Слова слетали с её губ, а руки засыпали табак и скручивали бумагу. Она говорила следующее:

– Мы ведь не можем узнать, что нас массово отравили, если нам это не скажут! Как нам это узнать?

– Не всё ли равно? – я, наконец, вступил в диалог. – Умрём все вместе. Чего переживать? Не так обидно.

– Нет! Обидно. Как раз, безумно обидно! – она прервалась немного, чтобы раскурить самокрутку, а я пока присел рядом с ней на парапете. Ведь ты, я и все остальные люди,

живут обычной жизнью. Разумеется, если нас всех действительно отравили. Нам осталось жить... не знаю даже, мало, в общем. А мы с тобой просто ходим на работу, пьём кофе, курим и делаем обычные дела. Безумие же?

– А что нужно делать? Я не знаю. Меня никогда не травили. Как должен жить человек, чьи дни сочтены?

– Не знаю. Но я бы точно не стала заниматься ежедневными делами. Например, точно бы не морочилась над тем, чтобы мыть посуду или выглаживать платья. Если мы обречены, я бы хотела, чтобы люди об этом знали.

– Что бы это поменяло? Ты же, всё равно, умрёшь уже очень скоро? Если так на это смотреть.

– Да. Но наглаженное платье на мне точно не сделало бы меня счастливее перед смертью.

– А что сделало бы? – я никак не мог понять её логику.

– Не знаю, если честно. Но как-то глупо было бы умереть, принося кому-то кофе, который другой человек, всё равно, не успеет выпить, так как тоже умрёт.

Тут с ней было сложно спорить. Умереть с подносом в руках действительно глупо. Наверное, даже обидно. Какой-то большой группе людей например, целой стране грозит массовая смерть. Какая же нелепица умереть за обычными повседневными делами. Парикмахер умрёт с ножницами в руках, официант, падая, разобьёт чашку, а всякие менеджеры просто прилетят своими скучными лицами в разноцветные экраны серых ноутбуков. Мерзкое зрелище.

– Знаешь, всё вокруг стало бы лучше, если бы нам грозила смерть в самое ближайшее время, – девушка затаилась, медленно выпустила дым и потупилась в фонтан. – Людей бы захлестнула лихорадка любви. Все бы стали друг друга любить, обнимать, целовать! Забыли бы сразу любую вражду. Нечего же делить, всем крышка. Была бы просто одна большая вечеринка. Все клубы заполнились бы людьми, там раздавали бы бесплатный алкоголь, еду и даже наркотики. Люди бы узнали счастье. Все бы стали пробовать сделать то, что давно хотели. За 10 минут до смерти воплотить мечту неплохой вызов, да?

– Как в «Достучаться до небес»?

– Где?

– Ну, «Достучаться до небес». Фильм такой.

– Не смотрела. Но, знаешь, вот я живу и думаю, что я молода, что всё впереди. Все мои желания ещё исполнятся. Я побываю на берегу океана, увижу много интересных мест, буду танцевать с закрытыми глазами, – она снова затаилась, выдохнула и выбросила окурочек в сторону. – Понимаешь, всё попробую, что хочу? А ведь правда в том, что абсолютное большинство умирает, так и не насладившись ни жизнью, ни самими собой.

– Самими собой?

– Да! Сколько людей просто боятся признаться в собственных желаниях, боятся что-то свершить, потому что их будут за это порицать. А если им резко будет грозить смерть.

Им всем. Понимаешь, каждый освободит себя! Может, хоть сдохнут счастливыми.

Она осеклась, резко замолчала, а потом снова заговорила:
– Давай пойдём, а?

И мы снова пошли. Старыми узкими улочками города. Проваливаясь в романтику города, задыхаясь его бетонным запахом. Я шёл и думал. Мои мысли то занимала очаровательная спутница, то её невероятные размышления. Все вдруг умрут. Мир обречён, и поэтому пытается хотя бы умереть счастливым. Что-то здесь не сходилось, но что-то в этом и завораживало. Мы шли и продолжали говорить.

– Люди. Почему они так странно себя ведут? – девушку никак не отпускали мысли сегодняшнего вечера. – Почему люди не говорят друг другу о мыслях, идеях, чувствах, желаниях? Почему не берут друг друга за руки просто так? Не обнимают, не целуют.

– Ага, не занимаются сексом...

– Именно! Вот представь. Всем скоро конец. Ничего сделать нельзя. Массовое отравление и все умирают от кашля, – она подавила смешок, хоть это и было сложно уже, но продолжила: – Знаешь, что будет с людьми? На всех пляжах воцарит оргия! Потому что, какого чёрта умирать, не попробовав секс втроём, вчетвером и так далее? Мы все умрём значит, можно перетрахаться со всеми мужиками, которые тебе нравятся, не боясь прослыть шлюхой. Можно просто подойти к любому и ничего не говорить, а расстегнуть штаны. Му-

жики бы массово доставили удовольствие всем этим любительницами «оттенков» брали бы и грубо без спроса трахали, избивали, подчиняли себе. Вот радость-то у фригидных дурочек бы настала! Все люди просто сливаются в едином экстазе, сбивая ритм планеты. Все самые потаённые фантазии воплощались бы! Смазливые зализанные мальчики затрахивали бы зрелых дам, дамы бы уничтожали бы этих мальчиков волной своего безумного многолетнего вождения. А молодые девочки и вовсе бы захлебнулись в собственных желаниях! И всё это в единой идиллии любви! Ой, – девушка осеклась, отвела взгляд и подвела итог: – В общем, если мы все обречены, я бы хотела, чтобы нам об этом сказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.